

БАЛКАНСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ. 14—28¹

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. М. СЕЛИЩЕВА
(1886—1942 гг.)

14. Алб. *habi*

Алб. *habi* 'изумление, чудо, диво' соотносится с глаголом *habit* 'изумлять, удивлять', *habitem* 'изумляться, удивляться'. Глагол *habit*, как уже давно установлено, является славянским заимствованием и продолжает слав. **xabiti*², хотя и обнаруживает довольно значительные отличия в семантике, ср., в частности, южнославянские факты: болг. *хабя* 'тратить, портить, тупить', с.-хорв. *habiti* 'портить, гладить', словен. *hábiti* 'губить, вредить'. Развитие значения частично могло осуществляться уже на албанской почве, поскольку алб. *habit* означает также 'разорять, уничтожать', что ощущимо ближе к семантике южнославянских глаголов. Вместе с тем, принципиальная возможность развития плана содержания **xabiti* в направлении, засвидетельствованном алб. *habit* 'изумлять', подтверждается такими рефлексами **xabiti*, как чеш. диал. *chábit* 'дурячить', словац. *chabit* то же, с.-хорв. диал. *ðbit* 'привлекать внимание'.

Самостоятельную этимологическую значимость имеет, на наш взгляд, существительное *habi*. Учитывая то обстоятельство, что славянские имена на *-ъје и *-ъја передавались в албанском формами с исходом на -и³, можно заключить, что алб. *habi* продолжает, в конечном счете, слав. **xabъje*. До настоящего времени южнославянские рефлексы этого слова не были известны: считалось, что оно сохранилось только в западнославянском, притом в весьма специализированном значении, ср. чеш. диал. *chábí* 'хворост, хвоя', словац. *chabie* 'хворост', польск. диал. *chabie* 'хворост, ветки' (ЭССЯ 8, 9)⁴. Наличие в албанском *habi* является доказательством того, что слав. **xabъje* было распространено и за пределами западнославянской языковой области и имело южнославянские продолжения.

15 Алб. *balash*, *balosh*

Алб. *balash* 'белый, альбинос; (о животных) с белым пятном на лбу', *balosh* то же и их восточнороманские соответствия, имеющие значение 'белый, светлый' — рум. *bălaș*, *bălos*, принято толковать, исходя исключительно из балканских языковых данных. При этом указанные лексемы рассматриваются как производные исконно албанской основы *bal-*, которая далее сравнивается с морфемой *bal-* в древнебалканской ономастике и возводится к и.-е. **bhel-* 'белый'⁵. Эта точка зрения, однако, никак не принимает в расчет того, что большинство албанских (и восточнороманских) образований от основы *bal-* содержат суффиксы славянского происхождения; более того, албанские и восточнороманские формы образуют доста-

точно точные параллели к некоторым производным славянского корня **bēl-*, ср.: алб. *balosh*, рум. *bălos* — слав. **bēlošь* (ЭССЯ 2, 74—75); алб. *balushë* ‘ пятно света, блик, Lichtfleck’ — слав. **bēluša* (ЭССЯ 2, 78); алб. *balik* ‘собака с белыми пятнами на теле’ — слав. **bēlikъ* (ЭССЯ 2, 66); алб. *balisk* ‘белолобая овца’ — слав. **bēlička*, уменьш. к **bēlica* (ЭССЯ 2, 64), ср., в частности, болг. *белица* ‘белая овца’, с.-хорв. *белица* ‘белая овца без пятен’. В последнем случае -*s*- в алб. *balisk* отражает рациональное алб. **tš*, которым в некоторых старых заимствованиях из славянского передавалось слав. **č*⁶. Наконец, алб. *bal*, рум. *băl* ‘собака (с белым пятном на лбу)’ соответствуют слав. **bēlъ*.

Приведенные параллели убеждают в том, что албанские и восточнороманские формы, производные от основы *bal-*, представляют собой несомненные славянские заимствования, притом из таких южнославянских диалектов, где слав. **ě* развивается в открытый гласный типа **ä > a*. Иными словами, приведенные формы заимствованы из тех поздних праславянских диалектов, на основе которых формировались болгарские и македонские говоры.

В связи с этим следует подчеркнуть, что ни болгарскому, ни македонскому в настоящее время, по-видимому, неизвестны продолжения слав. **bēlašь* и **bēlošь*. Первое из них вообще отсутствует в качестве самостоятельной единицы в «Этимологическом словаре славянских языков», хотя для его реконструкции можно указать, помимо болг., макед. **бялаш* и с.-хор. *bjēlaš* ‘лощадь светлой масти’ (ЭССЯ 2, 62), ‘воин с белым ремнем через грудь’, также и некоторые восточнославянские формы, ср., например, рус. *белашки* ‘белая мелкая рыба’ (Филин 2, 207), блр. *білашывы* ‘белесый, беловатый’ (о масти домашних животных)⁷. Что касается **bēlošь* (ЭССЯ 2, 74), то и здесь алб. *balosh* дополняет входящую в словарную статью южнославянскую лексику, ограниченную только с.-хорв. *bjeloš* ‘о животных белой масти’, ЛИ, ГН, РН *Bjēloš*.

Наконец, на основании сказанного можно истолковать как славянское заимствование и рум. *bălan* ‘ светлый, белый (о животном)’, которое мы возводим к слав. **bēlanъ*. Праславянская реконструкция **bēlanъ*/**bēlana* представляется вполне допустимой ввиду болг. *белана* ‘корова или овца, которая отличается от других и носит колокольчик, чтобы водить за собою стадо’, с.-хорв. *Belan*, *bjelánce* ‘белок яйца’, ст.-чеш. ЛИ *Bělan*, словац. *belaň* ‘животное белой масти’, *belaňa* то же и т. п.⁸

16. Алб. *blanë*

Алб. *blanë* ‘сердцевина дерева’ фонетически и морфологически точно воспроизводит южнославянские продолжения слав. **bolna*: болг. *блана* ‘навоз, выделенный бруском для топлива, кирпич кизяку, дерн’, с.-хорв. *блана* ‘название бондарного орудия’, наряду с заимствованным из словенского *blána* ‘пленка, кожица, пергамент’ (Skok I, 168), словен. *blána* то же. Хотя отношения между алб. *blanë* и южнославянскими формами и бесспорны, расхождения в значениях

представляются весьма существенными, тем более что за пределами юнославянского ареала имеются рефлексы слав. **bolna*, семантика которых близка или практически идентична значению алб. *blanë*, ср. например, рус. *болона* 'шишковатый нарост на дереве, з а б о л о н ь, часть наиболее молодой древесины между корой и стволом', чеш. диал. *bláno* 'часть дерева под корой, сердцевина', из **bolno* (ЭССЯ 2, 177).

Такое совпадение значений у алб. *blanë*, отражающего одну из юнославянских форм, и у продолжений слав. **bolna*, пространственно далеко отстоящих от юнославянского ареала, разумеется, может быть понято как результат независимого развития. Более привлекательным, однако, кажется иное предположение: алб. *blanë* могло сохранить архаичное значение, некогда имевшееся в одном из юнославянских языков, но впоследствии утраченное. Такой взгляд, как нам кажется, подтверждается семантической реконструкцией, приведшей к выводу о древности значения 'заболонь' у слав. **bolna* (ЭССЯ 2, 176); вместе в тем, семантика алб. *blanë* служит дополнительным аргументом в пользу этой реконструкции.

17. Алб. *calik*

Тот же тип отражения слав. **ě*, что и в алб. *balash*, мы находим и в некоторых других случаях, ср. алб. *calinë* 'ружье, ружьецо' из слав. **cělina* (ЭССЯ 3, 177), алб. *calik* 'козья шкура, мехи' из слав. **cělikъ* (Там же).

Наличие в албанском слова *calik* свидетельствует о том, что слав. **cělikъ* было известно не только западнославянским (чеш. *celík* 'растение *Solidago*', словац. *celík* 'нетронутый пласт минерала') и восточнославянским языкам⁹, но и, по крайней мере, одному из юнославянских диалектов. Оригинальная семантика алб. *calik*, естественно, мотивируется значением 'целая, нетронутая (козья шкура)' → 'мехи', ср. рус. *целик* 'нетронутая земля, нетронутый лес, неторреный, ненакатанный путь' (Даль³ IV, 1269) и под.

18. Алб. *çarë*

Подобно предыдущему слову, алб. *çarë* 'трещина, щель, расселина' позволяет внести определенные корректизы в сложившиеся представления об ареале распространения некоторых праславянских лексем.

Слав. **čara* — почти исключительно западнославянское слово (ЭССЯ 4, 22). За границами западнославянского ареала имеется только словен. *čára* 'черта, линия', статус которого не до конца ясен, поскольку имеются указания на чешское происхождение этой формы (Pleteršnik I, 93); в любом случае, алб. *çarë* не может служить аргументом в пользу исконности словен. *čára*, поскольку словенские элементы в албанском неизвестны. Алб. *çarë* могло бы подтверждать только наличие каких-то продолжений слав. **čara* в болгарском, македонском или сербохорватском. В этой связи, возможно, следует

с меньшим скепсисом отнеслись к фиксации с.-хорв. *čara* 'linea' (*Słownik prasłowiański* 2, 112), которая, быть может, указывает не на старое чешское заимствование, а на древний южнославянский элемент.

19. Алб. *dobit*

А. М. Селищев связывал алб. *dobit* 'использовать, пользоваться, побеждать' со слав. **dobyti*, ср. южнославянские формы: болг. *добия* 'добыть', макед. *добие* 'получить', с.-хорв. *đđbiti* 'добыть'¹⁰. Принятие этой точки зрения означало бы, что существительное *dobi* 'польза, выгода' следует понимать как отлагольное производное, возникшее уже на албанской почве. Нам представляется предпочтительным иное толкование, которое позволило бы интерпретировать как собственно славянские элементы и *dobit*, и *dobi*, не отрывая эти формы от явно связанных с ними — типа алб. *udob* 'легко, без труда'.

Объединение *dobit* и *dobi* в одно словообразовательное гнездо с *udob* < слав. **udobъ* дает ключ к этимологическому и семантическому объяснению *dobit* и *dobi*. Последнее может быть возведено к слав. **dobъ*, род. пад. **dobi*, ср. южнославянские формы: с.-хорв. *đđb* 'пора, время', словен. *đđb* 'время, вид, способ'¹¹. В том, что касается значения, ср. прежде всего упомянутое выше слав. **udobъ* и его производное **udobъnъ*, а также, например, и.-луж. *doba* 'удобное время', др.-рус. *doba* 'польза'. Отсюда вытекает и необходимость возвести алб. *dobit* к одному из незасвидетельствованных южнославянских рефлексов слав. **dobiti*, отражения которого зафиксированы лишь в западнославянском: чеш. *dobiti* 'формовать', в.-луж. *debić* 'украшать, наряжать, чистить' (ЭССЯ 5, 39).

20 Алб. *guralec*

В албанском языке имеется слово *gur* 'камень', родственное др.-инд. *girí-* 'гора', авест. *gairi-* то же, греч. δειρός 'холм', лит. *gi-rià* 'лес', слав. **gora* 'гора' (Pokorný I, 477—478). Большинство производных этой основы характеризуются теми же чертами, что и производные основы *bal-*, а именно: они оформлены славянскими суффиксами и, за вычетом корневого вокализма, практически совпадают со славянскими образованиями от **gora*. Это может быть подтверждено следующими примерами: алб. *guracak* 'сильный; горная лошадь; горец' и *guraçok* 'камешек, галька' — слав. **goračkъ*, производное от **gorakъ* (ЭССЯ 7, 31); алб. *guricë* 'каменистое место' — слав. **gorica* (ЭССЯ 7, 45); алб. *guriçkë* 'камешек, галька' — слав. **gorička*, ср., например, болг. *горичка* 'лесок'; алб. *gurishte* 'каменистое место' — слав. **gorišče*, ср. болг. *горище* 'большой, огромный лес', с.-хорв. *gorište* 'гористая или лесистая местность', рус. диал. *горище* 'верх, чердач, истопок, подволока, вышка'; алб. *gurrë* 'родник, источник, исток реки' — слав. **gorgnъ* (ЭССЯ 7, 57—58), ср. болг. *горното течение на реката* 'верхнее течение реки'.

На основании приведенных примеров естественно предположить, что перед нами не производные алб. *gur*, а славянские заимствования, испытавшие под воздействием алб. *gur* определенный сдвиг в своем фонетическом облике, а частично и в значении. Это тем более вероятно, что в некоторых случаях в албанском сохранились и параллельные формы, не испытавшие аналогического воздействия со стороны алб. *gur*: так, наряду с *gurishte*, имеем и *gorishtë* 'невозделанная земля'¹², наряду с *guricë* — *gorricë* 'дикая груша'.

Исходя из сказанного, мы можем видеть южнославянское заимствование в алб. *guralec* 'камешек, галька', восходящем к слав. **goral's'*, которое естественно соотнести с **goral'*. Иными словами, перед нами доказательство того, что слав. **goral'* было известно одному из южнославянских языков, то есть за пределами той довольно ограниченной области, в которой это слово фиксировалось ранее с подозрением в его «позднем местном характере» (ЭССЯ 7, 31), ср. чеш. *horal* 'горец', словац. *horal* то же, польск. *góral* то же.

21. Алб. *gjizë*

Алб. *gjizë* 'вид творога, сыра (из козьего молока или сыворотки)' объясняется по-разному — в основном, как элемент исконной лексики¹³. Большинство предложенных толкований не выдерживает критики с историко-фонетической точки зрения; среди них можно выделить только вполне справедливое наблюдение П. Скока, обратившего внимание на тождество алб. *gjizë* и с.-хорв. *gliza* 'высущеный телячий желудок для приготовления сыра' (Skok I, 570) с характерной мотивацией, часто встречающейся при номинации сыра и подобных ему молочных продуктов, ср. франц. *fromage* 'сыр' < лат. *formatum*¹⁴. Неясно, почему П. Скок столь решительно отделяет с.-хорв. *gliza*, которое он вместе с албанским словом возводит к «иллиро-фракийскому» **glidia*, от *glíza* 'зоб, золотуха, заросль, мелкий лес'. Представляется как раз вполне правдоподобной связь этих двух слов, при которой значение 'высущеный телячий желудок' (как форма для сыра) было бы достаточно мотивировано такими значениями слав. **gliza*, как 'комок, клубень, шишка, вздутие, опухоль', ср. определение рус. *желудок* 'род мяшка или несколько мясистого пузыря, в котором переваривается и усваивается пища животных' (Даль² I, 531).

Таким образом, с.-хорв. *gliza* следует относить к слав. **gliza* (ЭССЯ 6, 131), а алб. *gjizë* рассматривать как заимствование из сербохорватского. «Субстратное» **glidia* следует признать никогда не существовавшим.

22. Алб. *bagëti*

Как давно было установлено, алб. тоск. *bagëti* 'скот', гег. *baktë* то же — славянское заимствование, связанное со слав. **bogatъ*¹⁵. Некоторые фонетические особенности алб. *bagëti* указывают на то, что в этой форме славянское слово было заимствовано сравнительно-

рано, на начальных этапах албано-славянских контактов. В частности, обращает на себя внимание передача безударного слав. **o* с помощью алб. *a*, что характерно и для ряда других старых славянских элементов в албанском, ср. алб. *patkua* 'подкова' ¹⁵ слав. **podkova* и т. п. Более поздние формы того же слова мы обнаруживаем в алб. *begat* 'богатый', *bogat* то же, *bugat* то же, к которым примыкает и *begati* 'плодородие, богатство, изобилие', восходящее, очевидно, к тому же источнику, что и *bagëti*, но — в отличие от последнего — не имеющее ни архаичных фонетических черт, ни заслуживающих внимания семантических особенностей.

В качестве возможного источника алб. *bagëti* А. М. Селищев указал макед. *богатија* 'богатство' ¹⁶, ср. еще с.-хор. *bogàtija* то же; словен. *bogatíja* то же. Вместе с тем можно указать на близкие восточнославянские формы, восходящие к слав. **bogatъje*: рус. диал. *богатъе* (Филин 3, 46), блр. *багацце* 'богатство, обилие' ¹⁷. Привлечение восточнославянских данных, возможно, дает основания для реконструкции праславянского **bogatъja* / **bogatъje*.

23. Алб. *care*

Слав. **čara* 'чары, колдовство', представленное в южнославянских языках, а также в русском и древнерусском, обнаруживает полную однородность в семантическом отношении. Единственным отклонением в этом плане является словен. *čára*, имеющее, помимо значения 'колдовство', также значение 'ведьма, колдунья' (Pleteršnik I, 93).

То же самое значение может быть реконструировано для одного из южнославянских диалектов за границами словенского на материале алб. *care* 'ведьма, колдунья'.

Возводя алб. *care* к слав. **čara* ¹⁸, необходимо сказать несколько слов об отражении слав. **č* с помощью алб. *c*. Нормальными рефлексами слав. **č* в албанском, как известно, являются у ранних заимствований — алб. *s*, у поздних — алб. *ç*. Изредка встречающееся на месте слав. **č* алб. *c* признается «неясным» ¹⁹. Возникновение *c* можно было бы попытаться объяснить на албанской почве как результат спонтанного преобразования *s*, однако имеется и иная возможность: славянские заимствования *c* из слав. **č*, вполне вероятно, отражают проникновения в албанский из южнославянских «цокающих» говоров. В этом случае албанские данные способствовали бы изменению наших представлений о южной границе «цокающих» сербохорватских говоров в прошлом ²⁰.

24. Алб. *kaçubë*

Алб. *kaçubë* 'куст, кустарник' мы рассматриваем как заимствование из слав. **kocibъ* / **kočuba*, единственный след которого на славянской территории обнаруживается в укр. *кочубей* 'холлатый жаворонок' (Гринченко II, 295), *кочубарка* то же (Лисенко, 37). Эти украинские формы подробно рассмотрены Ж. Ж. Варбот ²¹,

реконструировавшей в связи с этим слов. **kočib-* с учетом того обстоятельства, что одним из широко распространенных значений слов. **čibъ* является 'хохолок (у птиц)'. Вместе с тем семантика слов. **čibъ* такова, что на ее основе могло развиться и значение 'куст, кустарник', ср. хотя бы рус. *хохол* 'чуб' и *хохлюшка, хохлянка, хохляница* 'куст и ягода мамура' (Даль² III, 563); из продолжений слов. **čibъ / *čiba* ср. словен. *čiba* 'обрубок, пенек', чеш. диал. *čiba* 'копна' (ЭССЯ 4, 126). Заметим, кстати, что одним из значений нем. *Schopf* 'пучок, хохол (у птиц), холка (у лошадей)', родственного слов. **čibъ*, является 'верхушка (дерева)'.

Реконструируя на основе алб. *kaçubë* наличие в южнославянском какого-то рефлекса слов. **kočibъ / *kočiba*, можно, по-видимому, с большей определенностью, чем раньше, относить это слово к праславянским образованиям.

25. Алб. *step*

Название ровных, безлесных и нередко безводных пространств, поросших травами, рус. *степь*, укр. *степ* представляет собой, по-видимому, старый и этимологически непрозрачный элемент восточнославянского словаря, заимствованный в другие славянские языки как географический термин, специфический для областей расселения восточных славян²².

В большинстве случаев попытки дать этимологическое истолкование рус. *степь*, укр. *степ* исходили из молчаливого предположения о том, что основным значением этого слова было указанное выше, что это — термин, указывающий на равнинное, может быть, даже на пизменное пространство. Например, Бейли сопоставлял рус. *степь* с др.-инд. *vishāp-* 'плоская поверхность', осет. *t'ərxən* 'плоский, уплощенный, приземистый, низкий, низина'²³, ср. в ряду синонимов: осет. диал. *otxən zundgond xəsəx xəgas gəedi t'ərxəntəx, xərdorztə, līgztə . . .* 'ему известны во всем лесу низины, поляны, ровные места. . .' (Абаев III, 354). Однако сопоставление с осетинским, по-видимому, фонетически неудовлетворительно (Там же).

Новые возможности в интерпретации слова связаны с семантической реконструкцией рус. *степь*, предложенной В. А. Меркуловой²⁴. В. А. Меркулова убедительно доказала, что основное в настоящее время значение рус. *степь* является вторичным и могло возникнуть при освоении славянами причерноморских областей с их специфическим рельефом. Предшествующим состоянием было такое, когда слово *степь* имело значение 'безлесная, поросшая травой возвышенность, гора', что подтверждается данными русских говоров²⁵, ср. рус. диал. *степь* 'плоская, безлесная возвышенность, водораздел, водопуск; сухая полоса, между двух речек, гривка' (Даль² IV, 322). То же наблюдается и в украинских говорах, где, в условиях Прикарпатья, имеет место *стена* 'обрыв; скала, гора'²⁶.

Значение 'безлесная возвышенность, гора' у рус. *степь*, укр. *степ* В. А. Меркулова рассматривает как вторичное, сформированное на основе значения 'спина', ср. рус. *степь* 'хребет борзой и псовой

собаки; хребет быка, коровы; хребет конской шеи, вдоль гривы', *степная жила* 'шейная, чернокровная жила у животных, из которой кидают кровь' (Даль² IV, 322—323).

Предложенная В. А. Меркуловой семантическая реконструкция позволяет по-новому поставить вопрос об ареале распространения этого славянского слова в праславянскую эпоху. Мы полагаем, что этот термин, вопреки общепринятым мнению, был известен и за пределами восточнославянского ареала. Свидетельством тому является алб. *step* 'острая вершина; вершина скалы, утеса'. В албанском это слово имеет отчетливые признаки заимствованного лексического элемента: сочетание *st-* в исконно албанском слове недопустимо с историко-фонетической точки зрения. В семантическом плане значение алб. *step* хорошо согласуется с реконструированным для рус. *степь*, укр. *степ* кругом древних значений. В то же время семиологический аспект проблемы гарантирует нас от понимания алб. *step* как позднего заимствования через посредство одного из южнославянских языков, где известные нам лексемы типа с.-хор. *стѣпа* сами заимствованы из восточнославянского и имеют значение 'степь'²⁷. Таким образом, алб. *step* надлежит рассматривать как доказательство того, что в одном из южнославянских языков некогда существовало восходящее к праславянскому и соответствующее рус. *степь*, укр. *степ* обозначение 'горы, возвышенности'.

Некоторые неясности связаны с трудностью, возникающей при реконструкции соответствующего праславянского слова, в частности, корневого вокализма. По ряду соображений, наиболее правдоподобной кажется праславянская форма **stъръ*²⁸; принятие этого варианта реконструкции позволило бы с большей определенностью локализовать предполагаемый южнославянский рефлекс, который тем самым был бы ограничен только областью болгарских и македонских говоров.

Следует подчеркнуть, что алб. *step* не является единственным в своем роде названием возвышенности, усвоенным у славян албанцами; напротив, алб. *step* входит в целую группу таких наименований,ср. алб. *sop* 'холмик' — слав. **sъръ*, алб. *gërbë* 'горб, бугор' — слав. **gъrbъ*, алб. *çukë* 'вершина' — слав. **čuka* и т. п.²⁹

Таким образом, рефлексы слав. **stъръ* образуют северно-русско-украинско-южнославянскую изоглоссу³⁰.

26. Алб. *koçet*

Как известно, в албанский проникли довольно многочисленные славянские *verba pudenda*. Общий механизм этого явления следующим образом комментирует А. М. Селищев: «При пользовании двумя языками в период двуязычия слова и словесные сочетания языка более ранних поколений употребляются при назывании предметов и актов интимного з нач ени я. Пользование словами выходящего из употребления языка — языка не всем понятного, вызывается стремлением скрыть от других значение высказываемого. На такую обусловленность указывает и то обстоятельство, что часто

некоторые из этих предметов называются словами другого языка, распространенного в той или иной степени в данной среде, но многим членам ее еще не понятного»³¹.

В указанную категорию слов входит и алб. *koç* ‘penis’, *koçet* то же. Имеющиеся этимологии не кажутся нам вполне убедительными. А. М. Селищев сопоставлял алб. *koç*, *koçet* со славянскими названиями кочана, кочерыжки, початка, ср. в частности, др.-рус. *кочанъ* ‘твёрдый ствол кукурузы, капусты; membrum virile’ и с рус. *коченеть* и родственными формами³². Однако соотношения внутри этой группы славянских слов и их этимологии неясны (Фасмер II, 356—357). Г. Мейер, напротив, считал, что *koç* не имеет отношения к слав. **koçanъ*, а в *koçet* усматривал итальянский деминутивный суф. *-etto* (Meyer, 203).

На наш взгляд, алб. *koç*, *koçet* может быть связано с другой славянской основой, представленной преимущественно в восточнославянских языках: рус. *коч* ‘петух’, *кочет* то же, ‘фазан-самец’, *кочеток* ‘бекас’, бlr. *коchat* ‘петух’. Укр. *кочет*, *кочеть* выступает только в переносных значениях, широкий спектр которых известен и рус. *кочет*. То же слово известно и древнерусскому: *кочьтъ* ‘петух’ (Фасмер II, 358). Сюда же относят польск. *koscot* ‘сводник; мелкая монета’ (Brückner, 243). Шире, чем **koçetъ*, в славянских языках представлен морфонологический вариант **kokotъ*, причем континуанты последнего обнаруживаются и в южнославянских языках, ср. с.-хорв. *čokot* ‘петух’, словен. *kokot* то же.

Сопоставление алб. *koçet* со слав. **koçetъ* позволяет предположить, что рефлексы **koçetъ* имелись и в южнославянском. Различие значений в этом отношении не представляет сколько-нибудь значительных препятствий. Семантика алб. *koçet* имеет, очевидным образом, вторичный характер, а мотивация типа ‘петух’ → ‘penis’ достаточно часто встречается и в славянском языковом мире, и за его пределами, поскольку «подобным наименованием была схвачена наиболее броская черта [этой птицы. — В. О.] — похотливость»³³. В этой связи О. Н. Трубачев указывает сербохорв. *čurač* ‘membrum virile’ и рус. диал. *потка* ‘membrum virile у мальчиков’, из **rъtъka*, а также семантически более далекое **kury* ‘распутница’³⁴. Из неславянского материала можно было бы добавить еще англ. *cock* ‘петух; penis’.

Таким образом, и семантика, и форма слав. **koçetъ* вполне удовлетворительно объясняют происхождение алб. *koçet*, и следовательно заключение о наличии в южнославянском ранее не засвидетельствованного рефлекса **koçetъ* можно рассматривать как достаточно достоверное.

27. Алб. *patalok*

В жизни албанского фиса определенное место занимал глашатай, называвшийся *kasnec*. Термин *kasnec* — южнославянское заимствование, ср. слав. **kaznъsъ*: ст.-слав. *казыцъ* ‘глашатай; начальник воинского отряда’, рус.-цслав. *казньцъ* ‘глашатай’.

Специально отведенное для выступлений глашатая место называлось *patalok*. Так же именуется и место поединка в произведениях

албанской эпической поэзии. Проблему происхождения алб. *patalok* мы здесь и рассмотрим.

Весьма оригинальное этимологическое истолкование алб. *patalok* принадлежит А. В. Десницкой, которая, предположив, что *patalok* был чем-то вроде деревянного помоста, сравнила это слово с рус. *потолок*³⁵. Это сопоставление влечет за собой столь существенные выводы как относительно самого албанского слова, так и касательно наличия в южнославянском неких прежде не известных соответствий рус. *потолок*, что на нем стоит остановиться подробнее.

Прежде всего обращает на себя внимание такое соотношение значений алб. *patalok* и рус. *потолок* 'настилка или подшивка досок под крышей (разрядка наша. — В. О.), под стропилами, по матицам, переводинам, балкам, лежащим на стенах строения; дощатая стлань, нередко двойная, сверху и ссыподу матиц, отделяющая низ или покой от чердака, верху, подволоки' (Даль III, 357), которое при общем внешнем подобии характеризуется глубоко коренящимся несходством. Смысловое сближение не обеспечивается ни эмендацией значения 'помост', ни указанием на то, что «значение 'место поединка', которое слово *patalok* имеет в албанской эпической поэзии, вероятно, вторично (первоначальным могло быть значение 'помост для единоборства?')»³⁶, поскольку практики проведения поединков на помосте на Балканах не существовало.

Нельзя не считаться и с теми фонетическими и морфологическими трудностями, которые возникают при анализе славянской части сопоставления. Рус. *потолок* — позднее восточнославянское слово, засвидетельствованное лишь в начале XVIII в. Традиционная этимология связывает *потолок* с *тло* и тем самым предполагает **потълькъ* (Преображенский II, 127) или **потолъкъ* (Фасмер III, 345). Иную этимологию, имплицитно содержащуюся уже в словаре Даля, развел Ж. Леписье, сравнивавший *потолок* с *толочь* в значении 'потоптать'³⁷; правильность этой точки зрения указывала бы на реконструкцию **потълькъ* и **потолъкъ*. Однако если в порядке мысленного эксперимента транспонировать любую из названных реконструкций в южнославянскую фоно-морфонологическую систему, мы не получим гипотетической формы, которая была бы способна претендовать на роль источника алб. *patalok*. Другая возможная трактовка: заимствование в албанский собственно русск. *потолок*; но и здесь возникают непреодолимые препятствия, к которым добавляются еще и трудности культурно-исторического характера.

Наконец, следует сказать, что алб. *patalok* свойственна такая вариантность, которая полностью исключает, на наш взгляд, возможность заимствования из славянского. Это слово, как отмечает и А. В. Десницкая³⁸, выступает также в форме *patalik* 'деревянная полка для посуды'. Обесценивая поиски славянского этимона, вариантность *patalok* ~ *patalik* в то же время совершенно определенно указывает на дальнейшее направление исследования, позволяя усмотреть в алб. *patalok*, *patalik* словообразовательный формант *-lok* ~ *-lik*, столь характерный для тюркских языков.

В турецком существует прилагательное *pat* 'плоский, гладкий, низкий, сплюснутый, сдавленный, нависший'³⁹. По продуктивной словообразовательной модели оно может образовывать существительное *pat(a)lik* 'плоское, гладкое, ровное место', ср. тур. *ağaç* 'дерево' — *ağaçlık* 'лесистое место' и т. п.⁴⁰ Алб. *patalok* и *patalik* в фонетическом отношении отражают тур. *pat(a)lik* с достаточной точностью, причем варианты с *-i*- и *-o*- свидетельствуют об особенностях передачи тур. *-l-* в иноязычной среде (известен также рефлекс тур. *-l-* как алб. *-ë-*, ср. алб. *pashallëk* из тур. *paşalık* 'пашалык'). В семантическом плане тур. *pat(a)lik* как нельзя лучше подошло бы для обозначения той ровной, гладкой площадки, на которой, видимо, мог выступать глашатай или проходит поединок. Таким образом, алб. *patalok*, *patalik* — турцизм и славянским элементом признан быть не может.

28. Алб. *kulbë*

Алб. *kulbë* 'вид рыбы' уже давно было сопоставлено, как генетически родственное, спольск. *kiełb* 'пескарь, *Gobio fluviatilis L.*' и рус. *колба, колбь* то же (Meyer, 212). Предположение о родстве в данном случае, однако, маловероятно, и прежде всего потому, что номенклатура рыб в албанском практически полностью заимствована — частью из латинского, частью из славянского⁴¹. Поэтому не удивительно, что была высказана более правдоподобная гипотеза о заимствовании в албанский из славянского (Фасмер II, 286). Осторожность, с которой М. Фасмер сделал вывод о заимствовании алб. *kulbë* из слав. **kъlba*, **kъlbъ*, по-видимому, в данном случае не оправдана, поскольку *kulbë* во всех отношениях регулярно и последовательно передает одну из названных славянских форм, неизвестных в южнославянском ареале. При этом некоторые фонетические особенности алб. *kulbë* ясно указывают на то, что заимствование произошло в сравнительно ранний период албано-славянских контактов, когда, с одной стороны, слав. **-ъ-* еще передавался как *-i-*, а праславянская группа **-ъl-* еще не претерпела изменений, приведших к известным южнославянским рефлексам. Наличие в албанском слова *kulbë* свидетельствует о существовании в южнославянском континуантов слав. **kъlba*, **kъlbъ*.

Примечания

¹ Предшествующие статьи этой серии см.: Античная балканстика. Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология. Предварительные материалы, тезисы докладов. М., 1980, 46—47; Славянское и балканское языкознание. Проблемы языковых контактов. М., 1983, 210—215; Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 1980. М., 1982, 290—293; Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии. М., 1983, 145—152.

² См.: Селищев А. М. Славянское население в Албании. София, 1931, 191.

³ См. об этом: Cimochowski W. Zur albanischen Wortforschung. — LP 4, 1953, 189—207.

⁴ Заслуживает внимания то обстоятельство, что и некоторые другие производные от основы **xab-* представлены преимущественно в западнославянских языках (ЭССЯ 8, 9).

⁵ Ср., например, из работ последнего времени: *Нерознак В. П.* Палеобалканские языки. М., 1978, 197: «эта лексическая изоглосса охватывает практически все палеобалканские языки и свидетельствует о древних палеобалкано-балтийских языковых связях». В любом случае говорить о специальных связях древнебалканских языков с балтийскими здесь не приходится ввиду хотя бы брет. *bal* 'белое пятно на лбу (животного)', кимр. *bal* 'с белой мордой (о животном)' и под. Далее см.: *Pokorny I*, 118—120.

⁶ Ср., например, алб. *porosit* 'заказать, поручить' из слав. **porqčiti*.

⁷ См. *Крыўко М. Н.* Так гавораць на Дзісеншчыне. — В кн.: Народнае слова. Минск, 1976, 107.

⁸ Славянский источник предполагал уже Ст. Младенов (Младенов, 15; БЕР I, 28). Имеющиеся попытки объяснить это слово из германского или дакийского не вызывают доверия, см.: *Rosetti A.* Istoria limbii române. I. De la origini pîna în secolul al XVII-lea. Buc., 1978, 242; *Georgiev B.* Траките и течият език. С., 1977, 35 сравнивает рум. *bălan* с фрак. РН *Ballanstra*.

⁹ Обширный восточнославянский материал см.: ЭССЯ 2, 177; SP 2, 75.

¹⁰ См.: *Селищев А. М.* Указ. соч., 178.

¹¹ Несколько иначе см.: *Skok I*, 420.

¹² См.: *Kristoforidhi K.* Fjalor shqip-greqisht. Tirane, 1961, 117 с сомнением касательно формы этого слова.

¹³ Ср.: *Jokl N.* Linguistisch-kulturhistorische Untersuchungen aus dem Bereich des Albanischen. Berlin; Leipzig, 1923, 89.

¹⁴ См.: *Dauzat A.* Dictionnaire étymologique de la langue française 11-е éd. Р., 1938, 344—345.

¹⁵ См.: *Селищев А. М.* Указ. соч., 165, со следующим комментарием: «Рогатый скот составлял богоугодство не только у албанцев, но и у славян». А. М. Селищев приводит также примеры сходной семантической эволюции, далее см.: *Трубачев О. Н.* «Молчать» и «таять». — В кн.: Проблемы индоевропейского языкознания. Этюды по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. М., 1964, 104—105, с литературой.

¹⁶ См. *Селищев А. М.* Указ. соч., 165, с указанием на семантику макед. *богатија* в фольклорных текстах. Ср. отрывок из песни «Рабдула и Мирче»:

Говореше Рабдул-бегъ Войвода:
«А излези, брате помалечекъ,
Ке ти кла'амъ три млади бербери,
Ке ти сечамъ коса до пояса;
Ке ни по'итъ стока богатја!»

(Български народни песни
събрани от братя Миладинови. С., 1981, 284)

¹⁷ По-видимому, сюда не относятся рус. диал. *богатъ 'огонь'* (Филин 3, 46), укр. *багаття 'огонь, горящие угли, костер'* (Гринченко I, 17), этимологизирующиеся особо (Фасмер I, 101—102). Следует, однако, иметь в виду альтернативную трактовку, связзывающую эти слова с рус. *богатый*, укр. *багатий*, см.: *Зеленин Д. К.* Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. Л., 1930, ч. 2, 59 сл.

¹⁸ См.: *Селищев А. М.* Указ. соч., 185.

¹⁹ Там же, 322.

²⁰ «Цакавизм» характерен для истро-далматинских хорватских говоров, самые южные из которых граничат с северно-гегскими албанскими. Подробно о «цокавящих» хорватских диалектах см.: *Селищев А. М.* Соканье и шоканье в славянских языках. — В кн.: *Селищев А. М.* Избранные труды. М., 1968, 584—588.

²¹ См.: *Варбот Ж. Ж.* Заметки по славянской этимологии (укр. *кочубей*, русск. *настырный, измываться*). — В кн.: Этимология 1968. М., 1971, 68—69.

²² Из старой этимологической литературы об этом слове см. особенно: *Ильинский Г. А.* Славянские этимологии. — РПВ 63, 1910, 335—337.

²³ См.: *Bailey H. W.* Атгуя IV. — BSOAS 26, 1963, 83—87.

²⁴ *Меркулова В. А.* Заметки по истории и этимологии слов. — В кн.: Этимология 1968. М., 1971, 86—91.

²⁵ Там же, 90.

- ²⁶ См. там же, 89 с литературой.
- ²⁷ Книжным заимствованием этого типа является алб. *stërë* 'степь' (из сербохорватского).
- ²⁸ См. Ильинский Г. А. Указ. соч.
- ²⁹ См. подробно: Селищев А. М. Славянское население в Албании, 186—190. Заслуживают внимания многочисленные топонимы на территории Албании, образованные от славянских терминов горного рельефа, см. там же, 204—205. Сравнение значений алб. *step* и рус. *степь*, укр. *степ* даже как названий возвышенности, конечно, обнаруживает далеко не полное совпадение денотатов, что и естественно, поскольку использование албанцами славянских географических и хозяйственных терминов осуществлялось не в тех условиях, для которых эти термины первоначально предназначались: как известно, албанцы селились в более гористых районах, в ином поясе. То же явление адаптации терминологических элементов мы наблюдаем и во многих других случаях, ср., например, алб. *rudinë* 'ровный горный луг, горное (альпийское) пастбище' при с.-хорв. *rudina* 'невспаханная земля, луг, участок земли, поросший травой', болг. *рудина* 'место, очищенное от зарослей', но по диалектам также сербохорв. *rudjuna* 'местность наверху пологого возвышения, служащая пастбищем', болг. *рудина* 'горное пастбище, луг, ровная поверхность в горах с хорошим пастбищем'. Анализ значений болгарского и сербохорватского слов см.: Толстой Н. И. Этюды по семантике славянских географических терминов. — В кн.: Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии. М., 1983, 119—126.
- ³⁰ Выдвинувшее нами предположение о наличии в южнославянском географическом термина **stъrъ* подтверждается новыми сербохорватскими материалами, обнаруженными В. Борисем, который любезно предоставил их в наше распоряжение (см. находящуюся в печати статью: *Borys W. Dijalektološki rječnici kao izvor za proučavanje najstarijeg sloja domaćega hrvatskoga i srpskoga leksika*. — In: *Hrvatski dijalektološki zbornik*, knj. III). Эти материалы содержат южнославянские рефлексы слов: **stъrъ* в его анатомическом значении, ср. чак.-кайк. (мн. ч.) *stâpi* 'svinjska kralješnica', кайк. (мн. ч.) *stêpi* 'komad svinjskog mesa s kralješnicom', кайк. *stepnîk* ('svinjska, govedja') *hrptenjača*', кайк. *stepovina* 'svinjska kralješnica'. Сюда же В. Борись относит и чакавское *stopovina*. Пользуясь случаем, чтобы поблагодарить В. Борися за сообщенные им ценные сведения.
- ³¹ Селищев А. М. Славянское население в Албании, 193.
- ³² Там же, 194.
- ³³ Трубачев О. Н. Рец. на кн.: В. В. Мартынов. Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры. — В кн.: Этимология 1964. М., 1965, 359.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ См.: Десницкая А. В. Славяно-албанские языковые отношения и албанская диалектология. — В кн.: Славянское языкознание: VI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1968, 135.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ См.: Леписье Ж. Этимология русск. *потолок*. — В кн.: Проблемы истории и диалектологии славянских языков. М., 1971, 170—174.
- ³⁸ Десницкая А. В. Указ. соч., 135.
- ³⁹ См.: Türkçe sözlük. Ankara, 1969, 645.
- ⁴⁰ Разнообразные фонетические варианты слова *pat(a)lik* с различными значениями, а также производные от *pat* с суф. *-lak* типа *patalak* см.: Derleme sözlüğü. IX. L—R. Ankara, 1977, 3406—3410.
- ⁴¹ См.: Селищев А. М. Славянское население в Албании, 169—170 с многочисленными примерами албанских названий рыб, заимствованных из славянского.